Briusov, Valerii IAkovlevich
Mig

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00322866 5

PG
3453
B7M5
1922a

Digitized by the Internet Archive
in 2018 with funding from
University of Toronto

https://archive.org/details/mig00bryu

Валерій Брюсовъ

МИГЪ

BRARY
JAN 9 1970
ERSITY OF TORONTO

PG
3453
B7M5
1922a

Brüsov, Valerii Iakovlevich

ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ

Mig

МИГЪ

Стихи 1920—1921 г.

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ ★ ПЕТЕРБУРГЪ ★ МОСКВА
1922

Alle Rechte,
einschließlich des Übersetzungsrechtes,
vorbehalten

*

Copyright 1922
by Z. J. Grschebin, Verlag, Berlin

*

Печать Библіографическаго Института въ Лейпцигѣ

Почти всѣ стихи, включенные въ этотъ сборникъ, написаны въ концѣ 1921 года (августъ—ноябрь). Исключеніе составляютъ драматическій этюдъ «Пиоагорейцы», написанный въ 1920 году, и два стихотворенія, одно 1919, другое 1917 г.

Авторъ.

I. КРУГОЗОРЪ

1. СМОТРѢТЬ ВЪ БЫЛОЕ

Смотрѣть въ былое, видѣть всѣ слѣды,
Что въ сушь песка вбивали караваны
Въ странѣ безъ травъ, безъ крышъ и безъ воды,
Сожженнымъ вѣтромъ иль миражемъ пьяны;

Припоминать, какъ вылъ свистя самумъ,
Меня слѣпя, ломая грудь верблюду.
И, все въ огнѣ, визжа сквозь душный шумъ,
Кривлялись джины, возникали всюду;

Возсоздавать нежданный сонъ, оазъ,
Гдѣ вееръ пальмъ, гдѣ ключъ съ душой свирѣли,
И гдѣ во мглѣ, подъ вспышкой львиныхъ глазъ,
Проснешься, когти ощущая въ тѣлѣ;

Смотрѣть впередъ и видѣть вновь пески,
Вновь путь въ пустынѣ, гдѣ желтѣютъ кости.
Уже не кровь, года стучатъ въ виски,
И зной и смерть слились въ послѣднемъ
тостѣ;

Но, сжавъ узду, упорно править ходъ,
Гдѣ холмъ не взрѣзанъ скокомъ туарега,
Опять, еще, гдѣ океанъ реветъ, —
Въ ледъ волнъ соленыхъ ринуться съ раз-
бѣга.

*

2. ГРУЗЪ

Книгъ, статуй, горъ, огромныхъ городовъ,
И цифръ, и формулъ — грузъ вселенной равный,
Всѣхъ опытовъ, видѣній всѣхъ родовъ,
Дней счастья, миговъ скорби своенравной,

И сновъ, любовныхъ сновъ, сквозь бредъ ночей,
Сквозь пламя рукъ, зовъ къ молніямъ безсмѣннымъ,
Грузъ, равный вѣчности въ умѣ, — на чьей
Груди я не дрожалъ во снѣ надменномъ?

Сны Клеопатръ, вздохъ Федръ, мечты Эсонрей,
Не вы ль влились, мѣдь въ память, навсегда!
Гдѣ фильмы всей земли кружатъ въ эфирѣ,
Еще звучатъ, поютъ вѣкамъ — ихъ «да».

Взношу лицо; въ окно просторъ звѣздистый,
Плечо къ плечу, вздохъ нѣжный у виска:
Мигъ, новый мигъ, въ упоръ былыхъ вгнѣздись ты!
Прибой швырнулъ на берегъ горсть песка.

Сбирай въ пригоршни книги, жизни, сны, —
Своихъ Голландій въ гулъ морской плотины, —
Вбирай въ мечты всѣ годы, — съ крутизны
Семи холмовъ покорный міръ латины!

А имъ, а тѣмъ, кто въ буйствѣ вѣтра ницъ
Клонились, лица — «Страшный Судъ» Орканій,
Имъ — въ счетъ слѣпотъ иль рядъ цвѣтныхъ страницъ;
Горсть на берегъ, лотъ въ грузъ живыхъ сверканій.

*

3. ОДИССЕЙ У КАЛИПСО

Снова сонъ, вѣкамъ знакомый,
Гдѣ-то тамъ, въ небесной сферѣ
Повернулось колесо,
Вновь, какъ древле, Одиссея,
Дѣя чары и слабѣя
Дрожью медленной истомы,
Въ сталактитовой пещерѣ
Молитъ нимфа Калипсо.

Дѣвы моря, стоя строемъ,
На свирѣляхъ пѣсню ладятъ,
Западъ пурпуромъ закрытъ;
Мореходъ неутомимо
Ищетъ съ родины хоть дыма;
А богиня предъ героемъ
То сгибается, то сядетъ,
Проситъ, плачетъ, говоритъ:

«Мужъ отважный, посмотри же.
Эти груди, плечи, руки, —
Въ мірѣ радостномъ, — даны
Лишь безсмертнымъ, лишь богинямъ.
Губы въ ласкѣ теплой сдвинемъ,
Тѣломъ всѣмъ прильни поближе.
Близъ меня ль страдать въ разлукѣ
Съ темнымъ теремомъ жены?»

Но скиталецъ хитроумный,
Какъ отъ грубаго фракійца,
Ликъ свой, въ пышности сѣдинъ,
Отъ соблазновъ клонитъ строже . . .
Ахъ, ему ли страшно ложе?
Но онъ видитъ праздникъ шумный,
Гдѣ въ дверяхъ отцеубійца, —
Калипсо прекрасный сынъ.

*

4. РИМИНИ

Въ твоемъ, въ вѣка вонзенномъ, имени,
Хранимомъ,—кладъ въ лѣсу,—людьми,
Кто съ дрожью не разслышитъ, Римини,
Струнъ, скрученныхъ изъ жилъ любви?

Въ блескъ городовъ, гдѣ Римъ съ Венеціей,
Гдѣ столько всѣхъ, твоя судьба
Вошла огнемъ. Вѣнецъ! Вѣнецъ и ей!
И въ распрѣ славь весь міръ судья.

Вы скупы, стѣны! Башни, слѣпы вы!
Что шагъ — угрюмѣй кровли тишь.
Но тамъ есть дверь и портикъ склеповый
И къ нимъ мечта, что въ храмъ, летитъ.

Что было? Двое, страстью вскрылены,
Надъ тѣнью дней чело стремя,
Сонъ счастья жгли, чтобъ, обезсилены,
Пасть, слиты лаской острія.

И всё. Но ввысь взнеслись, гиганты, вы,
Чтобъ въ жизни вѣчно хмелю быть,
И держатъ васъ терцины Дантовы, —
Вовѣкъ лучъ тѣмъ, кто смѣлъ любить.

*

5. ВЗНЕСЕННЫЙ

Закатной яркостью взнесенный
Изъ душной сладости темницъ,
Забудь обѣтъ, произнесенный
Предъ жертвенникомъ, лежа ницъ.

Просторамъ сумрачнымъ послушенъ,
Какъ облачко плыви, плыви,
На высяхъ у орловъ подслушай
Слѣпые клекоты любви.

Впивай всю влагу побережій,
Что оживитъ за лугомъ лугъ,
Гдѣ волю бѣга перерѣжетъ
Тоска спаляемыхъ излукъ.

Когда къ мечты ночныя смѣсятъ
Въ страсть всѣ земные голоса, —
На грань захватывая мѣсяцъ,
Врачуй влюбленные глаза.

И смерть, иныхъ смертей безмолвнѣй,
Какъ облачко въ просторахъ встрѣть,
За фосфорнымъ изломомъ молній
Сквозь ночь, чтобъ гибель досмотрѣть.

*

6. АПРѢЛЬ

Кто поетъ, мечта ль, природа ль,
Небо — нѣжный сонъ свирѣли?
Каждый листикъ вылитъ въ трели,
Свѣтъ и тѣнь звенятъ въ апрѣлѣ, —
Вѣтръ, лишь ты, всѣхъ неумѣлѣй,
Въ мѣдь трубы дудишь поодаль.

Давній гимнъ! Припѣвъ всемірный.
Въ дни, гдѣ мамонтъ высилъ бивни,
Въ первомъ громѣ, въ вешнемъ ливнѣ,
Былъ ли тотъ же зовъ призывнѣй?
Жди весны, ей вѣрь, лови въ ней
Флейты ропотъ, голосъ лирный.

Пѣснь вливаешь въ струны ль, въ слово ль,
Все-жъ въ ней отзвукъ вѣчной воли.
Съ ланью лань спозналась въ полѣ,
Змѣй съ змѣей сплелись до боли,
Лобъ твой влажень вкусомъ соли, —
Всѣхъ мелодій — вдоволь, вдоволь!

*

7. ЕВРЕЙСКІИМЪ ДѢВУШКАМЪ

Красивыя дѣвушки еврейскаго племени,
Я васъ наблюдалъ съ тайной дрожью въ мечтахъ:
Какъ черные волосы упруги на темени,
Какъ странень огонь въ вашихъ черныхъ зрачкахъ!

Въ Варшавѣ, и въ Вильнѣ, и въ задумчивомъ Тальсенѣ
За вами я долго и грустно слѣдилъ.
И все мнѣ казалось: стремитесь вы въ вальсѣ
Неизбѣжномъ, надъ тайной безсмертныхъ могилъ.

Какъ будто въ васъ ожили видѣнья библейскія,
И матерь Ревекка, и дѣва Рахиль, —
Отвѣяны помыслы нецужно-житейскіе,
И въ новомъ жива вѣковѣчная быль.

Еврейскія дѣвушки, въ холодной Россіи
Вы — безсонная память о знойной странѣ,
Живое преданье о грядущемъ Мессіи вы...
Дѣвушки-матери, близки вы мнѣ!

*

8. СЪ ЗЕМЛИ ДО ЗВѢЗДЫ

Отъ столѣтій, отъ книгъ, отъ видѣній
Эти губы, и клятвы, и ложь,
И не знаемъ мы, полночь ли, день ли,
Если звѣзды обогнены сплошь.

Въ мірѣ встанетъ ли новый Аттила,
Божій бичъ, божій гнѣвъ, потоптать
Не цвѣты, но мечты, что взрастила
Страсть, хирамовымъ кедрамъ подстать?

Солнце пятна вращаетъ, циклоны
Надвигая съ морей на постель,
Но не томъ же ли локонъ наклонный
Надъ огнемъ міровыхъ пропастей?

Чтобы око земное не слѣпло,
На мгновенье двумъ сближеннымъ въ смѣхъ
Отъ совѣтской Москвы на Алеппо
Революціи призрачный сбѣгъ.

И съ земли до звѣзды, до столѣтій
Возстающихъ — борьбѣ и войнѣ
Этотъ огненный столпъ одолѣть ли,
Въ нашихъ строфахъ горящій вдвойнѣ!

*

II. ИЗЪ ПРЕЖДЕ ВЪ ТЕПЕРЬ

1. ГРЯДУЩІЙ ГИМНЪ.

Солнце летитъ неизмѣрной орбитой,
Звѣзды мѣняютъ шеренгами строй.
Что жъ, если что-то подъ солнцемъ разбито?
Бей, и удары удвой и утрой!

Палъ Иліонъ, чтобы славить Гомеру;
Распятъ Христосъ, чтобы Данту мечтать!
Правду за вымыселъ! мѣру за мѣру!
Намъ ли сказанья вѣковъ дочитать!

Дни отбушуютъ, и станемъ мы сами
Сказкой, видѣньемъ въ провалѣ быломъ.
Кѣмъ же въ столѣтья войдемъ? голосами
Чьими докатится красный псаломъ?

Онъ, намъ невѣдомый, встанетъ, почуетъ
Истину нашихъ разорванныхъ дней, —
То, что теперь лишь по душамъ кочуетъ,
Свѣтъ, что за далью полнѣй и виднѣй.

Станутъ иными узоры Медвѣдицъ,
Станетъ весь міръ изъ машинъ и изъ воль...
Все-жъ изъ былого, поэтъ-сердцевѣдецъ,
Гимнъ о быломъ, — твой, — возславить по-
зволь!

*

2. ОКТЯБРЬ 1917 ГОДА

Есть мѣсяцы, отмѣченные Рокомъ
Въ календарѣ столѣтій. Кто сотретъ
На міровыхъ скрижаляхъ иды марта,
Когда послѣдній римскій вольнолюбецъ
Тирану въ грудь направилъ свой клинокъ?
Какъ позабыть, въ холодно-мглистомъ полднѣ,
Строй дерзкихъ, градъ картечи, всё, что слито
Съ глухимъ четырнадцатымъ декабря?
Какъ знамена, кровавымъ блескомъ рѣютъ
Надъ моремъ Революціи Великой
Двадцатое іюня, и десятый
День августа, и скорбный день брюмеръ.
И та же Франція явила два пыланья —
Февральской и іюльской новизны.
Но выше всѣхъ надъ датами святыми,
Надъ декабремъ, чѣмъ свѣтелъ пятый годъ,

Надъ февралемъ семнадцатаго года,
Сверкаешь ты, слѣпительный октябрь,
Преобразившій сумрачную осень
Въ ликующую силами весну,
Зажегшій новый день надъ дряхлой жизнью
И, заревомъ немеркнущимъ, побѣдно
Намъ озаривший правый путь въ вѣкахъ!

*

3. КОММУНАРАМЪ

Подъ вопль вражды, подъ гулкимъ гнѣвомъ,
Недаромъ вы легли въ вѣкахъ; —
Упалъ надъ міромъ тучнымъ сѣвомъ
Вашъ огненно-кровавый прахъ:

Вы, лабиринтцы, въ дни позора,
Подъ дерзкимъ эллинскимъ копьемъ;
Ты,-кругъ священный Пифагора,
Поющій на кострѣ своемъ;

Вы, всѣ, что возставали, тая,
Вальденцы, Виклефъ, Гусса станъ,
Пророки новаго Синая,
Ты, изступленный Іоаннъ;

И вы, кто жертвой искупленій
Легли въ Парижѣ, у стѣны,
Чьи грозно вопящія тѣни
Въ лучахъ побѣдъ вознесены!

Какъ въ басиѣ, изъ зубовъ дракона
Возникли мощные бойцы,
Бросаете въ земное лоно
Вы мученичества вѣнцы.

Подъ тѣ же гулы и угрозы
Приемля вашъ немолчный зовъ,
Мы ваши праведные грезы
Возносимъ надъ борьбой вѣковъ!

*

4. ПАСХА 1921 ГОДА

Спѣшный день, канунъ пасхи и перваго мая,
Отскакалъ свой срокъ по звѣзднымъ часамъ:
Наклонилась ночь, всѣ краски ломая
И на язвы отъ солнца цѣдя бальзамъ.

Гдѣ утромъ глумилось разгулье Трубной,
Мостовая спала, умыта дождемъ,
Ждалъ добычи городъ, звѣрь сластолюбный,
Въ окнахъ лица свѣтились надъ большимъ куличомъ.

Каждый притонъ былъ доволенъ, подведя свои счеты;
Отдувались, набиты живностью, погреба;
Изнемогши за сутки отъ непосильной работы,
Вновь фыркала вольно водопроводная труба.

Забота, что рыскала шесть дней, сломя шею,
Искала денегъ, торговала, считала барышъ,
Лежала вверхъ брюхомъ, подобно сытому
змѣю,
Иль шныряла къ церквамъ, какъ летучая
мышь.

Лишь кое-гдѣ на лентахъ алѣли девизы:
«Праздникъ труда», «Пролетаріи...» и т. д...
И, кровь на тѣни, пятнались карнизы
Краснымъ клочкомъ, увы, не вездѣ.

Новый міръ старина, торжествуя, давила,
Выползала изъ щелей, плыла въ синевѣ,
И московскимъ царямъ дубовый Ярило
Протягивалъ руку въ совѣтской Москвѣ.

*

5. ОКЛИКИ

Четвертый октябрь.

Окликаю Коршуна въ пустынѣ:
— Что летишь, озлобленъ и несмѣлъ?
— «Конченъ пиръ мой! болѣе не стынетъ
Трупъ за трупомъ тамъ, гдѣ бой гремѣлъ».

Окликаю Волка, что поводитъ
Сумрачно зрачками: — Что унылъ?
— «Нѣтъ мнѣ мѣста на пустомъ заводѣ:
Утромъ колоколъ на немъ звонилъ...»

Окликаю Вѣтеръ: — Почему ты
Вой ведешь на сумрачныхъ ладахъ?
— «Больше мнѣ нельзя въ годину смуты
Раздувать пожары въ городахъ».

Окликаю Зиму: — Эй, старуха!
Что твоя повисла голова?
— «Плохо мнѣ! Прикончена разруха,
Всюду мнѣ въ лицо трещатъ дрова».

Чу! гудокъ фабричный! чу! взываютъ
Свистомъ, пролетая, поѣзда.
Красныя знамена обвиваютъ
Русь былую, словно пояса.

Что грозило, выло и рычало,
Все притихло, чуя пятый годъ.
Люди, люди! Это лишь начало,
Октября четвертаго приходъ!

Изъ войны, изъ распрь и потрясеній
Всѣ мы вышли къ бодрому труду;
Мы куемъ, справляя срокъ весеній,
Новой жизни новую руду.

Кто трудился, всякъ на праздникъ прошенъ!
Путь впередъ — роскошенъ и широкъ.
Это — зовъ, что въ глубь столѣтій брошенъ,
Это — наше право, это — рокъ.

6. СОВѢТСКАЯ МОСКВА

Все-жъ, наклонясь надъ пропастью,
Въ вѣка заглянувъ, ты, учитель,
Не замрешь ли съ возвышенной робостью,
И сердце не полнѣй застучитъ ли?

Столѣтья слѣпятъ Термопилами,
Зеркалами жгутъ Архимеда,
Возстаютъ, хохоча, надъ стропилами
Notre Dame безымянной химерой;

То черпѣютъ ужасомъ Дантовымъ,
То Ариэлевой дрожатъ паутиной,
То стоятъ столбомъ адамантовымъ,
Гдѣ въ огнѣ Революціи — гильотина.

Но глаза отврати: не замѣтить ли
Тебѣ — тотъ же блескъ, здѣсь и нынѣ?
Вѣка свой бѣгъ не замедлили,
Надъ свѣтами свѣты иные.

Если люди въ безсмѣнномъ плаваньи,
Имъ нуженъ маякъ на мачтѣ!
Москва вторично въ пламени, —
Свѣтъ отъ англичанъ до команчей!

*

III. ПРОСВЕРКЪ

1. СѢТЪ ХРОНОСЪ

Нѣтъ, не струны, нѣтъ, не трубы,
Мой напѣвъ надъ моремъ вѣйте.
Закрываю тихо ставни,
Подношу покорно губы
Къ золотой, забытой флейтѣ:
Властвуй въ темной тишинѣ,
Старомодный, стародавній
Отзвукъ, милый только мнѣ.

Пой изъ тьмы тысячелѣтней,
Изъ лѣсовъ аркадскихъ басенъ,
Гдѣ къ маслинамъ никли фиги,
Пой безвольнѣй, безотвѣтнѣй,
Но, какъ прежде, мудръ и страстенъ,
Зововъ нѣжныхъ не тая, —
Здѣсь, гдѣ внемлютъ только книги,
Только тѣни, только я.

Гдѣ я? Можетъ быть, въ преданьи,
Въ лунной трели менестрелей,
Въ пѣснѣ призрачной Шопена, —
Но въ сверканьи, но въ рыданьи
Воды Геллы прогремѣли,
Обращая въ нектаръ кровь;
Сѣетъ Хроносъ алой пѣной,
Чтобъ землѣ всплыла Любовь.

*

2. ЗАЧѢМЪ

Зачѣмъ? Развѣ я знаю?
Не нами, давно суждено:
Поля опалять мистралю,
Якорю падать на дно.

Гольфштрему, можетъ быть, хочется
Медлить въ огнѣ Ганти,
Но долженъ Мальштремомъ корчиться
На холодномъ норвежскомъ гранитѣ.

На эти глаза обманные
Стигматы губъ наложить, —
Это играетъ вѣтеръ туманами
Это травами ночь ворожитъ.

Если двое въ невольной нѣгѣ мы
Угадываемъ шопоты срока,
Это солнца Викторіи Регіи
Дрожатъ въ синевѣ Ориноко.

Зачѣмъ? Кто намъ отвѣтитъ?
Словами любви не лги.
Сквозь эфиръ скользящей планетѣ
Непонятны ея круги.

*

3. НАДЪ СНОМЪ НАДЕЖДЪ

Надъ сномъ надеждъ, что стан птичьи, рѣя,
Кружатъ года, крикъ ястребиный золъ:
Но дни, всѣ дни взмываютъ, не старѣя, —
Вотъ коршунъ, голубь, стрепетъ, стрижъ,
орелъ.

Взлетайте! Мчитесь! Я, ловецъ бывалый,
Стрѣлъ, смерть поющихъ, не извелъ колчанъ.
Люблю сбивать съ лазури въ сумракъ алый
Васъ, бьющихся отъ боли острыхъ ранъ.

Свой путь вершу межъ кручъ, сквозь коль-
ца вѣтокъ,
Гдѣ въ мглѣ никѣмъ не стоптана трава,
Но гибокъ лукъ, мой взоръ, какъ прежде,
мѣтокъ:
Всѣмъ зовамъ съ выси вторитъ тетива.

Какъ весело за зелень лѣтнихъ тѣней
Стрѣла бѣжитъ, пронзая листъ, легка.
День торжества, день жутких поражений—
Равно милы, добыча въ сѣть стрѣлка.

Скорбь, радость, ужасъ, падайте со стономъ
Въ гробъ скалъ безстрастныхъ иль у горнихъ
струй,
И ты, ты, быстрый день, когда дано намъ
Вновь вѣдать въ жизни первый поцѣлуй.

*

4. ИНКОГНИТО

Порой Любовь проходитъ инкогнито,
Въ платьи простомъ и немного старомодномъ.
Тогда ее не узнаетъ никто,
Съ ней болтаютъ небрежно и слишкомъ
свободно.

Это часто случается на весеннемъ буль-
варѣ и
У знакомыхъ въ гостиной и въ фойэ теа-
тральномъ;
Иногда она сидитъ въ дѣловой канцеляріи,
Какъ машинистка, пишетъ, улыбаясь пе-
чально.

Но у нея на тѣлѣ, сквозь ткани незримый
намъ
Поясъ соблазновъ, ею не забытый.
Не будемъ придирчивы къ былымъ именамъ,—
Все-же часто сидимъ мы предъ лицомъ Афро-
диты,

А маленькій мальчикъ, что въ дѣтской ревности
По близости вертится, это — проказливый Аморъ.
Колчанъ и лукъ у него за спиной, какъ въ древности;
Черезъ столъ онъ прицѣлится, опираясь на мраморъ.

Что мы почувствуемъ? Уколъ, ощутимый чуть,
Въ сердцѣ. Подумаемъ: признакъ эндокардита.
Не догадываемся, домой уходя, мы ничуть,
Что смѣется у насъ за спиной Афродита.

Но если ты сразу разгадаешь инкогнито,
По тайнымъ признакамъ поймешь, гдѣ богиня, —
Въ праведномъ ужасѣ будь твердъ, не дрогни, не то
Стрѣла отравленная есть у ея сына.

*

5. ИСКРА

Вино ли пѣнится,
Бокаломъ схвачено, —
Солнечный сокъ?
Мячъ ли лаунъ-тенниса
Отъ удара удачнаго
Взвихрилъ песокъ?

Самъ ли я искра лишь
Яростной хмельности,
Что глуби зажгла?
Мигъ! Это ты крылишь
Роковой мельницы
Всѣ четыре крыла.

Явь или призрачность —
Губъ этихъ сдавленность,
Дрожь этихъ плечъ?
Тысячно тысячный
Поцѣлуй отравленный,
Твердый, какъ мечъ?

Кружатся, кружатся
Мельничныя лопасти,
Вихрь взноситъ въ высь.
Въ привычности ужаса
Надъ небесной пропастью
Богомольно клонись.

*

6. ЗВЕНО ВЪ ЦѢПЬ

И въ нашихъ городахъ, въ этой каменной
бойнѣ,
Гдѣ взмахи рубля острѣй томагавка,
Гдѣ музыка скорби лишена гармоніи,
Гдѣ величава лишь смерть, а жизнь — только ставка;

Какъ и въ пышныхъ пустыняхъ баснословных Аравіи,
Гдѣ царица Савская шла ласкать Соломона,—
О миражѣ случайностей мы мечтать не въ правѣ:
Всѣ звенья въ цѣпь, по мировымъ законамъ.

Если съ тобой мы встрѣтились зачѣмъ-то и
какъ-то,
То потому что оба, увлекаемы въ даль мы;
Жизнь должна быть причудлива, какъ при-
чудливъ кактусъ,
Жизнь должна быть прекрасна, какъ пре-
красны пальмы.

И если наши губы отравлены въ поцѣлуѣ,
Хотя и пытаешься ты порой противорѣчить,—
Это потому, что когда-то у стѣнъ Ветилуи
Два ассирійскихъ солдата играли въ четъ
и нечетъ.

*

IV. ТѢНЬ СВѢТА

1. ВСКРОЮ ДВЕРИ

Вскрою двери ржавыя столѣтій,
Вслѣдъ за Данте семь круговъ пройду,
Въ зыбь земныхъ сказаній кину сѣти,
Воззову сонмъ призраковъ къ суду.

Встаньте, вызову волхва послушны,
Взоры съ ужасомъ вперяя въ свѣтъ,
Вы, чья плоть давно — обманъ воздушный,
Вы, кому въ безстрастье — схода нѣтъ.

Встань, Элисса, съ раной серповидной!
Встань, Царица, на груди съ эхидной!
Встань, Изотта, мечъ не уклоняя!
Встань, Франческа, ей сестра родная!

Встань, Джульетта, пряча склянку съ ядомъ!
Встань съ ней, Гретхенъ, руки въ узахъ, рядомъ!
Встаньте всѣ, кто жизнь вливалъ въ послѣдній
Поцѣлуй, чтобъ смерть сразить побѣднѣй!

Васъ не разъ я оживлялъ сквозь слово,
Какъ Улиссъ, поилъ васъ кровью строфъ.
Встаньте вкругъ, творите судъ сурово, —
Здѣсь на сценѣ дрожь моихъ висковъ.

Мнѣ отвѣтьте, судьи тьмы, не такъ ли
Парисъ велъ Елену въ Иліонъ,
Билъ не тотъ же ль сердца стукъ въ Геракле,
Въ часъ, когда встрѣчалъ Іолу онъ!

*

2. ЭТОТЪ ВСКРИКЪ

Что во снѣ счастливомъ этотъ вскрикъ подавленный,
Этотъ мигъ, гдѣ сужень вздохъ до стона, что? —
Древній персъ, приливомъ на пескѣ оставленный,
Съ мели, чьихъ жемчужинъ не сбиралъ никто.

Вѣчность бьетъ мгновенье гулкими прибоями,
Вихрь тысячелѣтій роетъ наши дни.
Въ чемъ намъ утѣшенье плакать надъ героями,
Въ темныхъ книгахъ мѣтить прежніе огни?

Свѣтъ нашъ — отблескъ блѣдный радугъ
надъ потопами,
Наши страсти — пепелъ отгорѣвшихъ лѣтъ.
Давитъ панцырь мѣдный въ стѣнахъ, что
циклопами
Сложены. Мы — въ склепѣ, выхода намъ нѣтъ.

Если дерзко кинемъ въ глубь холодной
млечности
Крикъ, что не былъ свѣтелъ въ буйствѣ всѣхъ
вѣковъ, —
Какъ намъ знать, что въ синемъ морѣ без-
конечности
На иной планетѣ не звенѣлъ мой зовъ!

*

3. БЫЛЪ МРАКЪ

Былъ мракъ, былъ вскрикъ, былъ жгучій обручъ рукъ,
Двухъ близкихъ тѣлъ сквозь бредъ изнеможденье.
Свѣтъ послѣ и ключа прощальный стукъ,
Изъ яви тайнъ въ сонъ правды пробужденье.

Все ночь, вновь мгла. Кой гдѣ глаза домовъ,
Въ даль паровозовъ гудъ, тамъ-тамъ пролетки...
А выше — вѣчный, вѣщій блескъ міровъ,
Безднъ, чуждыхъ міра, пламенныя четки.

Нѣтъ счета верстамъ, грани нѣтъ вѣкамъ,
Кружась, летятъ въ дыханьи солнцъ планеты.
Тамъ тотъ же ужасъ въ смѣнахъ свѣта, тамъ
Изъ той же чащи черплютъ ядъ поэты.

И тамъ, и здѣсь, въ былом, въ грядущемъ (какъ
Дней милліарды намъ ровнять и мѣрить?),
Другой любовникъ смотритъ съ дрожью въ мракъ:
Что, въ огнь упавъ, онъ живъ, не смѣя вѣрить.

4. КУБОКЪ ЭЛЛАДЫ

Слишкомъ полно мойрами былъ налитъ
Кубокъ твой, Эллада, и съ краевъ
Крупныхъ каплей дождь помчался на-летъ—
Пасть въ растворы чашъ, понынѣ жалитъ
Скудный блескъ ему чужихъ вѣковъ.

Нѣтъ, не замкнутъ взлетъ палящій цикла!
Пламя Трои, то, что спасъ Гомеръ,
Въ кровь народовъ, — сокъ святой, — проникло,
Съ небомъ слился свѣтлый сводъ Перикла,
Зовъ Эсхила влитъ въ Ресефесеръ.

Боги умерли Халдей и Мидій,
Въ тучахъ мертвъ, не глянетъ Саваоѳъ;
Гдѣ покровъ, что ликъ скрывалъ Изидѣ?
Но, касаясь древнихъ струнъ, Кипридѣ
На ступень кладемъ мы горсть цвѣтовъ.

*

5. ДАЛЬ

Вѣтки листья, три сучка,
Въ глубь окна ползетъ акація.
Не сорвутъ намъ дверь съ крючка;
Съ далью всласть могу ласкаться я.

Бирюза да изумрудъ,
Тучекъ тоненькіе вырѣзы.
Губы жутко не умрутъ,
Не испивъ нѣмые присы.

Даль, любовь моя, даль, даль.
Ты ль меня влечешь, мой геній ли,
До песковъ Сахаръ, до льда ль,
Что горитъ на пикѣ Кеніи?

Синь и зелень розовѣй,
Алой дрожью вѣетъ съ запада.
Вѣй, левкое! роза, вѣй.
Свѣтлыхъ вѣтокъ запахъ. Запахъ? Да!

Гдѣ-то здѣсь тропа въ огни,
Гдѣ-то въ высотѣ огонь и я.
Змѣемъ двухъ насъ обоймы,
Вѣчной таины теогонія.

*

6. КОНДОРЪ

Къ чему чернѣющій контуръ
Ты прячешь, гнѣвный гигантъ, —
Въ тишинѣ распластанный кондоръ
Надъ провалами сонныхъ Андъ?

Въ недѣляхъ бархатныхъ кроясь,
Ты медлишь, чтобъ, сонъ улуча,
Проступить сквозь атласную прорѣзь
Мига, разя сплеча.

Кровь тебѣ въ холодную сладость,
Мѣдяное лицо поверни.
Гдѣ постромокъ серебряныхъ слабость
У разбившей ось четверни?

Утаишь ли чудовищность крыльевъ?
Ихъ нашимъ трепетомъ смѣрь!
Тамъ, за кругомъ лампы открытой,
По ковру распростерта смерть.

Что жъ, клонясь къ безвольнымъ бумагамъ,
Черчу пейзажи планетъ:
Отъ кондоровъ горнихъ у мага
Заклинаній испытанныхъ нѣтъ.

*

7. ВЕЧЕРНЯЯ ФЛЕЙТА

Вечерней флейты страстный трепетъ
Слабѣетъ въ узкое окно;
И вѣтеръ звуки нѣжно треплетъ,
За нитью нить прядя руно.

Въ ея словахъ — просторы скорби,
Подъ солнцемъ выжженная тишь,
Закатъ прощальный гнѣвно горбитъ
Мечту — сквозь гордость и гашишъ.

Вечерней флейты ропотъ молкнетъ,
Но въ тѣни ядъ влила змѣя;
Глазъ голубой безгромныхъ молній
Поспѣшно щурится смѣясь.

Я знаю: лживый хоръ предвѣстій
Ей вслухъ поетъ и стелетъ мглу...
А ночь растетъ: сады предмѣстій,
Какъ грань, означены къ углу.

Вы, звѣзды, въ миги волю влейте,
Чтобъ вновь ей ждать, живой вполнѣ.
Мы преданы вечерней флейтѣ,
Ахъ, мы — въ вечеровой волнѣ.

8. ЕЩЕ ТАКЪ НѢЖНЫ...

Слова любви еще такъ нѣжны,
Такъ жарки сгибы алчныхъ рукъ;
Ночь, древній царь многоодеждный,
Бросая тьму на отсвѣтъ смежный,
Лицо къ лицу гнетъ въ счастьи блѣдномъ,
Пока въ тиши поетъ побѣднымъ
Пэаномъ — сердца къ сердцу стукъ.

Но гаснетъ мрака дымный морокъ,
Предъ сказкой страсти вскрывъ провалъ.
Взоръ не напрасно горько зорокъ,
Сквозь хаосъ всѣхъ цвѣтовъ, сквозь сорокъ
Узорныхъ радугъ, смотритъ въ глуби,
Гдѣ въ кругѣ красокъ, въ жгучемъ клубѣ
Рокъ зыблетъ гладь своихъ зеркалъ.

Тамъ ликъ твой чуждый чарой явленъ,
Глядитъ, обвитъ змѣей огня;
Твой ротъ усмѣшкой гордой сдавленъ;
Входъ къ тайнамъ замкнутъ, праздникъ
справленъ,
День новый, вождь необоримый,
На путь измѣнъ тропой незримой
Тебя влечетъ прочь отъ меня.

*

V. ДОМЪ ВИДѢНІЙ

Душа моя — Элизіумъ тѣней.
Ф. Тютчевъ.

Видѣніями заселенный домъ,
Моя, растущая какъ башня, память!
Въ ея саду надъ тинистымъ прудомъ,
Застывъ, стоитъ вечеровое пламя;
Въ ея аллеяхъ прежнія мечты
На цоколяхъ недвижны, мѣди статуй,
И старыхъ тигровъ чуткія четы
Сквозь дрему лижутъ мраморъ Апостату.

Какъ же ты
Вошла въ мой садъ и бродишь между статуй?
Суровы ярусы многоэтажной башни, —
Стекло, сталь и порфиръ.

Гдѣ въ залѣ округленной, прежде пиръ
Пьянѣлъ, что день, отважный, безшабашнѣй,
Вливая скрипки въ хмель античныхъ лиръ,—
Въ померкшей залѣ темной башни
Тишь теперь.

На бархатномъ престолѣ зоркій звѣрь,
Привычный предсѣдатель оргій,
Глаза прищуря, дремлетъ, пресыщенъ:
Окончивъ споръ, лишь тѣнь—Сократъ и Горгій;
Вдоль стѣнъ, у шелковыхъ завѣсъ еще
На ложахъ никнутъ голыя гетеры,
Но призраки, навѣкъ сомкнувшіе уста;
И лишь часы въ тиши бьютъ ровно, не уставъ
Качаньемъ маятника двигать эры.

Зачѣмъ же ты,
Какъ сонъ и новый и всегдашній,
Вошла въ мой садъ и бродишь возлѣ башни?

Тамъ выше,
По этажамъ къ недовершенной крышѣ,
Въ завѣтныхъ кельяхъ — облики: глаза

Цѣловавшіе, милыхъ губъ рубины,
Спаливше́е мнѣ плечи волоса, —
И комнатъ замкнутыхъ глубины
Дрожатъ подъ крыльями произнесенныхъ
словъ...
Ихъ, вѣщихъ птицъ, въ года не унесло!
Ихъ пепелъ фениксовъ, какъ радуги,
Вычерчивая вѣера дуги,
Слѣпитъ меня опять, опять
И, волю воскомъ растопя,
Невозвратимостью минутъ тревожитъ.

Чего же
Тебѣ искать въ незавершенной башнѣ,
Гдѣ слишкомъ жутокъ сонъ вчерашній!

Въ саду,
Гдѣ памятники съ тиграми въ ладу,
Гдѣ вѣчности и влажности вѣнчанье, —
Въ саду молчанье,
Свой медъ кадятъ нарциссы Апостату,
Надъ бронзой Данте черенъ кипарисъ,
И въ мѣди неизмѣнныхъ ризъ
Недвижимъ строй въ вѣка идущихъ статуй.

Но все-же розъ кричащій запахъ,
Но все-жъ въ огнѣ зальденномъ западъ —
Пьяны разгромомъ грозовымъ;
Страшись, чтобъ на росѣ ночуя,
Но шагъ непризнанный почуя,
Тигръ пробужденный не завылъ!

Видѣніями заселенный міръ, —
Садъ и растущая какъ башня память!
На мѣди торсовъ, сталь, стекло, порфиръ
Льетъ воскъ и кровь вечеровое пламя:
Горятъ вѣнцы, волна къ волнѣ въ пруду:
Пылая, къ статуямъ деревья льнутъ въ бреду:
По травамъ блекнущимъ раскиданы статеры
Во вѣкъ не умирающей росы,
И лишь изъ башни ровно бьютъ часы,
Не уставая двигать эры.

Зачѣмъ же ты,
Какъ сонъ и новый и всегдашній,
Вошла въ мой садъ и бродишь возлѣ башни,
Гдѣ слишкомъ жутки чуткія мечты?
Иль ночь напрасно краски отымала?
Иль цоколямъ свободнымъ статуй мало,

И можетъ съ мѣдью спорить паросъ,
Чтобъ кровь по мрамору текла?
Иль должно къ башнѣ изъ стекла
Прибавить куполоподобный ярусъ,
Гдѣ всѣ сіянья старины,
Умножены, повторены,
Надъ жизнью, какъ пустымъ проваломъ,
Зажгутся солнцемъ небывалымъ,
Во все, сквозь временный ущербъ,
Вжигая свой побѣдный гербъ!

*

VI. ПИѲАГОРЕЙЦЫ

Драматическій этюдъ.

I

Синаретъ погруженъ въ разсматриваніе рукописи. Рабъ показывается въ дверяхъ. Потомъ Филонъ.

Рабъ

Господинъ, прости...

Синаретъ

Тебя просилъ я,
Товарищъ, такъ меня не называть.

Рабъ

Прости, но тамъ пришелъ Филонъ.

Синаретъ

Такъ что же!
Пусть онъ войдетъ.

(Рабъ удаляется)

Филонъ (входя)

Привѣтъ тебѣ во имя
Учителя.

Синаретъ

Мой милый другъ, ты здѣсь!
Давно ль вернулся изъ Аѳинъ?

Филонъ

Сегодня,
Сейчасъ, и тотчасъ поспѣшилъ къ тебѣ.

Синаретъ

Благодарю. Тебя обнять я радъ.
Надѣюсь, путешествіе твое
Прошло недаромъ: многое ты видѣлъ,
Бесѣдовалъ, конечно, съ мудрецами
Различныхъ странъ, у нихъ учился, думалъ,
И книги, вѣроятно, собиралъ.

Филонъ

Да, кое-что въ скитаньяхъ я узналъ.
Я разскажу тебѣ потомъ о многомъ,
Особо о Солонѣ, — о, мудрецъ!
Но, впрочемъ, мнѣ далеко до удачи
Такой же, какъ твоя, когда привезъ ты
Намъ изъ Египта письмена атлантовъ.
А, кстати, вижу свитокъ на столѣ:
Попрежнему ты только имъ и занятъ?

Синаретъ

Попрежнему, мой другъ. Подумай только,
Учитель нашъ, самъ дивный Пифагоръ
Учился у египетскихъ жрецовъ.
Египетъ же всей мудростью своей
Кому обязанъ? — имъ, атлантамъ! — той
Погибшей Атлантидѣ, изъ которой
Впервые міру возсіялъ свѣтъ знаній!
И вотъ мнѣ посчастливилось найти
Древнѣйшій свитокъ, рукопись атлантовъ!
О, другъ! быть можетъ, въ этомъ свиткѣ древнемъ
Есть тайна тайнъ, рѣшенье всѣхъ загадокъ!
(Показываетъ свитокъ и вновь вглядывается въ него).

О, странные, таинственные знаки,
Вы, символы невѣдомаго! Я
Отдамъ всѣ силы, но въ вашъ смыслъ про-
никну!
И, вѣрю, этимъ окажу услугу
Великую — всей общинѣ, всѣмъ людямъ!

Филонъ

Попрежнему ты склоненъ увлекаться.

Синаретъ

Нѣтъ. Жизнь я посвящаю этой цѣли
Не ради славы, ради блага всѣхъ!

Филонъ

Не будемъ спорить. Я пришелъ сюда,
Чтобъ сообщить тебѣ одно извѣстье:
Со мной на кораблѣ пріѣхалъ въ городъ —
Кто, угадай — великій тавматургъ.

Синаретъ

Кто? кто?

Филонъ

Арсомахъ, кого прозвали
Второй учитель.

Синаретъ

Боги! и онъ — здѣсь!
Бѣжимъ скорѣй, хочу его увидѣть.

Филонъ

Я шелъ, чтобъ это предложить тебѣ.
Онъ поселился въ домѣ у Прогноста.

Синаретъ

Тогда идемъ!

Филонъ

Идемъ.

Синаретъ

Эгинъ, мой плащъ!

(Рабъ входитъ, подаетъ плащъ)

И если кто придетъ, скажи — я скоро
Вернусь назадъ, проси пообождать.

(Синаретъ и Филонъ уходятъ)

II

Рабъ одинъ. Потомъ Прогностъ и Горгій.

Рабъ (одинъ)

Да, скоро! Жди! До полночи навѣрно
Не возвратятся. Что жъ, пускай покутятъ;
Не все-жъ надъ книгами глаза трудить.

(Стукъ)

Э, кто тамъ? (Уходитъ, за сценой).
Господина дома нѣтъ.

Прогностъ (за сценой).

Ну, ничего, мы подождемъ его.

(Прогность и Горгій входятъ)

Прогностъ

Куда онъ могъ уйти? мнѣ это странно.
Онъ днями цѣлыми сидитъ одинъ.
Ахъ, Горгій, этотъ юноша — на диво
Прилеженъ; многое онъ обѣщаетъ,
Мудръ какъ старикъ, и какъ мудрецъ ученъ
Немного увлекается, но это
Пройдетъ съ лѣтами. Дни и ночи онъ

Все учится, все размышляетъ; сдѣлалъ
Уже онъ въ математикѣ немало
Открытій, а ты помнишь, что сказалъ
Самъ...

Горгій

Помню! помню! Онъ-то и нашелъ...

Прогностъ

Да, Синаретъ, назадъ тому два года,
Въ Египетъ путешествіе свершилъ
И тамъ въ какомъ-то храмѣ маломъ, въ хламѣ,
Открылъ сокровище, атлантскій свитокъ.

Горгій

Да, полно, подлинно ль изъ Атлантиды
Та рукопись? не ловкая ль поддѣлка?

Прогностъ

Нѣтъ, нѣтъ, я самъ разсматривалъ ее.
(Замѣчаетъ свитокъ на столѣ).
Да вотъ она!

Горгій

Неосторожный! Какъ же
Возможно драгоцѣнности такія
Не убирать?

Прогностъ

Ну, кто жъ сюда войдетъ?
Лишь наши братья.

Горгій (беретъ свитокъ и разсматриваетъ его).

Да, то—свитокъ древній,
И я такихъ не видывалъ ни разу.
Что за таинственныя письмена!

Прогностъ

Ареомахъ ихъ прочитаетъ.

Горгій (продолжаетъ изучать свитокъ).

Это
Папирусъ — не папирусъ... Что такое?

Прогностъ

Особое растенье Атла́нтиды.

Горгій

И что за знакъ здѣсь на шнуркѣ виситъ?
Печать? Но изъ чего она? Не мѣдь,
Не золото,—металлъ мнѣ неизвѣстный.

Прогностъ

То — орихалкъ, металлъ изъ Атлантиды.

Горгій

Да, свитокъ подлинный, теперь я вижу.
Но, кажется, твой Синаретъ вернулся.

III

Тѣ же; Синаретъ и Филонъ входятъ.

Синаретъ

Привѣтствую я васъ, друзья, во имя
Учителя.

Прогностъ

Привѣтъ и вамъ. (Указывая на Горгія).
Вотъ это —
Товарищъ Горгій изъ Милета, онъ
Съ Ареомахомъ вмѣстѣ прибылъ нынче.

Филонъ (привѣтствуя).

Мы познакомились на кораблѣ.

Синаретъ

Я очень счастливъ видѣть у себя
Столь славнаго товарища. Недавно
Мнѣ сообщилъ Филонъ, что въ городъ нашъ
Ареомахъ съ друзьями прибылъ. Тотчасъ
Я поспѣшилъ, чтобъ увидать его...

Филонъ

Но по пути узнали мы, что онъ
Такъ утомленъ съ дороги, что не можетъ
Принять насъ; поспѣшили мы назадъ.

Прогностъ

Но самъ Ареомахъ къ тебѣ послалъ насъ.

Синаретъ

Возможно ли? Онъ слышалъ обо мнѣ!
Какая честь!

Горгій

Да, нашъ учитель знаетъ,
Что посчастливилось тебѣ однажды
Найти въ Египтѣ, какъ бы диво, свитокъ
Атлантовъ.

Синаретъ

Вѣрно, я открылъ его.

Прогностъ

Узнай же честь, которая тебѣ
На долю выпала: Ареомахъ,
Узнавъ объ этомъ свиткѣ, хочетъ самъ
Заняться изученіемъ его.

Синаретъ

Ареомахъ...

Горгій

Да, онъ! мудрецъ великій!
Онъ твоему открытію придастъ
Безсмертное значеніе,—быть можетъ,
Такое, что основы укрѣпитъ
Всей общины.

Синаретъ

Онъ?

Прогностъ

Да, Ареомахъ.

Синаретъ

Но почему жъ то сдѣлаю... не я?

Прогностъ

Послушай, Синаретъ! Высоко цѣнимъ
Мы знанія твои, твой умъ и рвенье;

Но ты вѣдь ученикъ еще, ты ищешь,
Ты — лишь въ преддверіи завѣтныхъ тайнъ,
А онъ, Аресмахъ, давно прошелъ
Всѣ степени уставныхъ посвященій
И съ тайнами стоитъ лицомъ къ лицу.
Онъ сорокъ лѣтъ пытливой мыслью ищетъ
Проникнуть въ тайну символовъ атлантскихъ.
Ты долженъ радоваться, что ему
Свой драгоцѣнный свитокъ передашь.

Синаретъ

Отдать мой свитокъ?

Прогностъ

Да, отдать, конечно.

Горгій

Что значитъ «твой»? иль ты, членъ общины
Священной Пиѳагора, ты, прошедшій
Ступени посвященій двѣ, не знаешь,
Что своего у насъ нѣтъ ничего!
Принадлежитъ не намъ, что мы имѣемъ,
А общинѣ! Вѣдь это — наша альфа.

Синаретъ

Отдать мой свитокъ...

Филонъ

Милый другъ, опомнись!

(Тихо).

Ты можешь сдѣлать списокъ, по нему
Ты будешь изученье продолжать,
И, можетъ быть, скорѣй Ареомаха...

Синаретъ

Списокъ?... Немыслимо всѣ эти знаки,
Для насъ таинственные, передать!
Упустишь тамъ черту одну, тамъ точку,
И все разрушится... Нѣтъ, невозможно.
И, наконецъ, и самый древній духъ,
Что вѣетъ отъ папируса... печать
Изъ орихалка... Нѣтъ! нѣтъ! не могу!

Прогностъ

Не ожидалъ я дѣтскихъ возраженій!
Какъ! ты, членъ общины, намѣренъ что-то
Считать своемъ имуществомъ особымъ?

Синаретъ

Но я на благо общины хочу
Трудиться надъ разборомъ этихъ знаковъ!
Я жизнь отдать для общины готовъ.

Прогностъ

Ложь! самообольщенье! Нынѣ вижу,
Что недостоинъ былъ ты посвященій.
Такъ внемли, юноша! Я, посвященный
Четвертой степени, повелѣваю
Тебѣ: немедленно отдай «твой» свитокъ
Намъ. Мы его снесемъ Ареомаху.
Иль не намѣренъ ты повиноваться?

(Дѣлаетъ мистическій знакъ).

Синаретъ

Учитель, повинуюсь... вотъ папирусъ...

(Подаетъ свитокъ).

Прогностъ

Ты этимъ только выполнилъ свой долгъ.
Прощай, да просвятитъ тебя самъ, дивный.
Идемъ же, Горгій.

(Прогностъ, унося свитокъ, и Горгій уходятъ).

IV.

Синаретъ и Филонъ. Потомъ Прогностъ.

Синаретъ

Что со мной? слабѣю...
Утративъ рукопись, я все утратилъ.
Къ чему мнѣ жить теперь!... Охъ, сердце!
(Падаетъ и умираетъ).

Филонъ

Другъ, что съ тобой? Отвѣть! (Слушаетъ сердце Синарета).
Онъ умеръ, боги!

Прогностъ (возвращается).

Но я хочу добавить, Синаретъ...

Филонъ

Тсъ, тише! Синарета нѣтъ. Онъ умеръ.

Прогностъ

Умеръ? (Подумавъ
Я почиталъ его достойнѣй.
Да будетъ милостивъ къ нему судъ Ада.

СОДЕРЖАНІЕ

I. КРУГОЗОРЪ

стр.

1. Смотрѣть въ былое 7
2. Грузъ 9
3. Одиссей и Калипсо 11
4. Римини 13
5. Взнесенный 15
6. Апрѣль 17
7. Еврейскимъ дѣвушкамъ 18
8. Съ земли до звѣзды 20

II. ИЗЪ ПРЕЖДЕ ВЪ ТЕПЕРЬ

1. Грядущій гимнъ 22
2. Октябрь 1917 года 24
3. Коммунарамъ 26
4. Пасха 1921 года 28
5. Оклики. Четвертый октябрь 30
6. Совѣтская Москва 32

III. ПРОСВЕРКЪ

стр.
1. Сѣтъ Хроносъ 34
2. Зачѣмъ? 36
3. Надъ сномъ надеждъ 38
4. Инкогнито 40
5. Искра 42
6. Звено въ цѣпь 44

IV. ТѢНЬ СВѢТА

1. Вскрою двери... 46
2. Этотъ вскрикъ 48
3. Былъ мракъ 50
4. Кубокъ Эллады 51
5. Даль 52
6. Кондоръ 54
7. Вечерняя флейта 56
8. Еще такъ нѣжны... 57

V. ДОМЪ ВИДѢНІЙ

1. Домъ видѣній 59

VI. ПИѲАГОРЕЙЦЫ

1. Пиоагорейцы. Драматическій этюдъ .. 64

PG
3453
B7M5
1922a

Briusov, Valerii IAkovlevich
Mig

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY